РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080001865-8

Для цитирования: Сидорова С.Е. Рецензия на: Роберт Дарнтон. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 384 с. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 217–221. DOI: 10.31857/S086919080001865-8

For citation: Sidorova S.E. Review of: Robert Darnton. Censors at Work: How States Shaped Literature. M.: New literary review, 2017, 384 p. *Vostok (Oriens)*. 2018. № 5. Pp. 217–221. DOI: 10.31857/S086919080001865-8

РОБЕРТ ДАРНТОН. ЦЕНЗОРЫ ЗА РАБОТОЙ.
КАК ГОСУДАРСТВО ФОРМИРУЕТ ЛИТЕРАТУРУ.
М.: Новое литературное обозрение, 2017. 384 с.

© 2018

С. Е. СИДОРОВА

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8528-6236>
veta.sidorova@mail.ru

В 2017 г. в издательстве “Новое литературное обозрение” вышел перевод книги американского историка Роберта Дарнтон “Цензоры за работой: как государство формирует литературу” (оригинальное издание – 2014). Р. Дарнтон исследует механизмы функционирования цензуры в условиях авторитарных режимов. В качестве примеров таких он выбрал монархическую Францию под властью Бурбонов XVIII в., колониальную Индию середины XIX – начала XX в. и коммунистическую Восточную Германию в период между Второй мировой войной и 1989 г.

Обращение к теме цензуры Р. Дарнтон объясняет новым витком дискуссий в современном обществе, связанных с ограничениями, в том числе на уровне государственной политики, в киберпространстве. Для понимания текущей ситуации бесполезно обратиться к опыту прошлого, когда технологии производства информации и доктрины политических режимов были другими. Р. Дарнтон не пытается с самого начала дать определение понятию “цензура”, так как ее подчас сложно отличить от других форм запретов (с. 17), а “включать в цензуру запреты любого рода – значит превратить ее в общее место” (с. 12). Выстраивая логику исследования, он отказывается от двух основных тенденций в изучении цензуры, сложившихся в мировой историографии за последнее столетие, “во-первых, история борьбы за свободу высказывания против государственной или церковной власти, во-вторых, описание всех запретов, касающихся распространения информации” (с. 13). Историк выбирает свой подход к пониманию феномена, который называет антропологическим (с. 17), а в другом месте – сравнительным и этнографическим (с. 10). Это предполагает “допрос” цензоров посредством чтения архивных документов и понимание “общего настроения системы, ее невысказанных реакций и имплицитных ценностей” (с. 10). Это, безусловно, сильная сторона книги, так как материал предлагает не столько готовые решения и выводы, сколько десятки конкретных случаев, позволяющих читателю самому проводить сравнения.

Учитывая специфику журнала, предложу более подробный обзор второй части книги «Британская Индия: либерализм и империализм». Уже из названия следует, что отношения между литераторами и властями автор рассматривает через призму конфликтующих, с его точки зрения, доктрин, определявших внутривластный курс колониальных властей в Индии. Следуя либеральному вектору, они придерживались принципов свободы слова и печати, распространения грамотности и образования, поощрения развития институтов общественного мнения и т.п. Напротив, имперский дискурс поднимал на щит такие особенно важные в условиях колониального правления функции государства, как тотальный надзор и учет, в том числе печатной продукции. Заметное усиление последней тенденции было связано с восстанием 1857–1858 гг., показавшим ненадежность и шаткость британского положения в Индии. К этому же периоду, по информации Р. Дарнтон, книгопечатание в Индии «превратилось в крупную индустрию, и Индийская гражданская служба начала следить за ней» (с. 130).

Дальнейшее развитие событий, которые автор останавливает на 1909 г., описывается как постепенное увеличение объема местной литературной продукции, наращивание националистических и мятежных настроений в публиковавшихся текстах и ответное ужесточение контроля со стороны чиновников вплоть до применения репрессивных мер. Предложенное видение ситуации, которая разворачивается между полюсами либерализма и империализма, является весьма распространенным и не отличающимся новизной подходом в понимании британского колониализма в Индии XIX–XX вв. Наиболее интересными в этой части представляются конкретные примеры, которыми автор иллюстрирует модели взаимоотношений между авторами и чиновниками и их динамику на протяжении нескольких десятков лет. Эти сюжеты почерпнуты им в документах из собрания министерства по делам Индии в Британской библиотеке; они не затрагивают периодическую прессу и территориально локализованы преимущественно в Бенгалии.

Первый из них касается деятельности Джеймса Лонга (1814–1887), миссионера англо-ирландского происхождения в Бенгалии, который в 1861 г. был обвинен своими соотечественниками в колонии в клевете за публикацию пьесы Динобондху Митры «Нил Дарпан» (букв. «Зеркало индиго») на английском языке. Лонг, священник англиканской церкви, прибыл в Индию в 1840 г. и прожил в местечке неподалеку от Калькутты 30 лет. За это время он выучил несколько индийских языков, что позволило ему в период сипайского восстания (1857–1858) выполнить ответственную миссию – составить «панорамный обзор всей бенгальской литературы со статистическими подсчетами и описаниями самих книг» (с. 131). Такой анализ требовался для оценки общественного мнения в кризисный для колониальных властей период. Лонг собрал сведения о наиболее популярных среди индийцев литературных жанрах, таких как календари с расписанием благоприятных и неблагоприятных дней, пьесы на тему индусской мифологии с включением непристойных эпизодов и издевательских замечаний в адрес британских плантаторов и властей, песенники, религиозные трактаты, мифы, поэзию. Р. Дарнтон также показал способы распространения литературной продукции и обратил внимание на устанавливаемые с помощью многочисленных книгонош связи между городами и деревнями.

Наконец, в 1861 г. Лонг опубликовал английский перевод пьесы Митры, после чего и разразился скандал. В пьесе действовали алчные плантаторы-сахибы, благородный *заминдар*, храбрые крестьяне и честные британские судьи. После выхода англоязычной версии именно плантаторы сочли себя оскорбленными и подали коллективный иск против Лонга¹. В качестве метода борьбы с неудобным текстом было избрано давно практиковавшееся в Англии в таких случаях обвинение в клевете. Столь жесткая реакция объяснялась тем, что выпуск книги происходил на фоне только утихшего «восстания инди-

¹ Р. Дантон не указывает имена истцов.

го”, вызванного недовольством местных крестьян-*райатов* кабальной системой контрактов на выращивание индигоносных растений. Созданная для расследования обстоятельств мятежа парламентская комиссия осудила тиранию плантаторов и признала систему заключения контрактов порочной. И хотя критика прозвучала на самых верхних уровнях власти, обличение в литературной форме со стороны переведшего текст соотечественника плантаторы снести не смогли. Именно Лонга, а не автора пьесы после слушаний в суде признали виновным в желании унижить плантаторов как класс и приговорили к штрафу в 1000 рупий и месяцу тюрьмы. При этом на протяжении всего процесса звучали слова о верности свободе прессы и дискуссии, которые в результате вынесенного приговора оказались поправными.

Вторая история связана с именами Уильяма Лоулера и Чандера Натха Босе, в разные годы возглавлявших крупнейшую в Индии Бенгальскую библиотеку. В соответствии с законом 1867 г. о регистрации печатной продукции в их задачи входило составление ежегодных каталогов выпускавшихся книг с указанием всех выходных данных и примечаниями, которые напоминали рецензии. Эти рецензии за несколько десятков лет Р. Дарттон и анализирует, обнаруживая в них как неоправданную критику местных текстов, так и стремление стереть бездну непонимания и границы между культурами. Причем заслугу в последнем он отдает индийским библиотекарям, которые лучше понимали и пересказывали смысл текстов, издававшихся на местных языках. Некоторые рецензии фиксировали настроения местных жителей, которые варьировались от мирных и подобострастных до мятежных. Недовольство иностранным правлением, нараставшее к концу XIX в., выражалось в критике европеизировавшихся соотечественников, которые употребляли алкоголь, мясо и даже женились на вдовах, а также в призывах следовать традициям древних ариев. Однако в целом протестные настроения оставались еще незначительными.

Если сбор материалов Дж. Лонгом Р. Дарттон квалифицирует как любительскую этнографию, то последующие систематизированные усилия У. Лоулера и Ч.Н. Босе по созданию “баз данных” литературной продукции вписываются им уже в фуконианский курс надзора. Названия дальнейших глав “Мятеж?”, “Репрессии”, “Судебная герменевтика”, повествующие о событиях начала XX в., отражают траекторию нарастания напряженности и враждебной атмосферы в обществе. Р. Дарттон пишет о распространении антибританских настроений и радикализации национального движения на фоне раздела Бенгалии в 1905 г., влетает в канву повествования движение *свадешхи*, образование Мусульманской лиги, столкновения на конфессиональной почве и т.п., что повлекло за собой более жесткие меры властей.

Стоит отметить, что правовой базе надзорных и репрессивных действий властей Р. Дарттон уделил мало внимания. Это до определенной степени объяснимо, потому что официальной цензуры в Индии не было с 1835 г. (начало эпохи расцвета либерализма) и до 1908 г., за исключением двух кратких периодов в 1857 и 1878–1881 гг. В случае необходимости для привлечения к ответственности использовали статьи 124А (о распространении бунтарской информации), 153А (об ответственности за разжигание розни между различными группами населения через печатные органы), 505 (о наказании за подстрекательство армии, отдельных людей или целых групп населения к восстанию или мятежу) Индийского уголовного кодекса².

Приведенный в качестве примера третий случай как раз и посвящен судебному процессу, во время которого стороны обвинения и защиты занимались “правильной” интер-

² См.: Сидорова С.Е. Законы о цензуре прессы в Индии в XIX веке: колониальный вариант // Ванина Е.Ю., Сидорова С.Е., Устенко А.В. (ред.). *Разговор с Мариной и Олегом Пleshовыми: политические символы и реалии Южной Азии*. М.: ИВ РАН, 2010.

претацией текстов, состязались в знании грамматики и синтаксиса местных языков, упражнялись в мастерстве схоластики с целью распознать в мифологических образах и метафорических сравнениях бунтарские и крамольные высказывания. Р. Дарнтон рассказывает о стихотворении, опубликованном в 1910 г. в литературном журнале “Pallichitra”, в котором автор, по мнению британского судьи, в аллегорической форме призывал к мятежу и неповиновению властям. Вместо не найденного автора стиха на два года строгого режима тюремного заключения был осужден издатель журнала Бидху Бхусан Бос и на два месяца – типограф.

Наконец, последняя глава “Бродячие музыканты” переводит исследование, которое до этого придерживалось устремлявшейся вверх траектории нарастания бунтарских настроений и ужесточения цензурного режима, в горизонтальную проекцию и демонстрирует один из механизмов разрастания вширь этих конфликтующих и взаимозависимых тенденций. Р. Дарнтон рассказывает о бродячих музыкантах, которые путешествовали по деревням и городам, распевая песни и давая представления крамольного содержания, и о преследующих их властях в стремлении запретить пагубную для стабильности политического режима деятельность³. В частности, он описывает дело Маканды Лала Даса, лидера труппы странствующих артистов, чья пьеса “Matri Puja”, “основанная на истории из пуран о борьбе дайтьев (демонов) с дэвами (богами)” (с. 195), после ряда успешных демонстраций была издана и попала в бенгальский каталог книг. В 1908 г. она была запрещена как “бунтарская аллегория”. Самого Маканду арестовали, признали виновным в подстрекательстве к мятежу по статье 124А и приговорили к тюремному сроку. Причем в вину ему вменялась не только публикация текстов, но и само пение. Пересказывая обстоятельства дела, Р. Дарнтон попутно описывает, как труппа Маканды в течение нескольких лет гастролировала по сложной системе рек в дельте Ганги (с. 198), перечисляет другие постановки артистов, фиксирует необыкновенную популярность такого жанра среди местного населения.

В заключении Дарнтон еще раз возвращается к проблеме определения цензуры, на это раз еще жестче обозначая такую постановку вопроса как неправильную (с. 331). Он полагает, что слишком четкое определение может заставить “воспринять ее как самостоятельное явление, которое везде происходит одинаково, несмотря на контекст” (там же). Выбранный им этнографический подход, по его мнению, “препятствует обесцениванию понятия цензуры через ее связь с ограничениями любого рода” (там же) и позволяет избежать конкретизации феномена и его превращения в четкую формулировку (с. 351). Напротив, обращение к разным эпохам и политическим режимам при демонстрации достаточно детального знания материала позволило Р. Дарнтону убедительно представить цензуру как совокупность разных и непохожих способов контроля над литературной продукцией без необходимости их обобщения. Важно, что применительно ко всем трем описанным в книге системам речь шла об интерпретации текстов и спорах вокруг нее между авторами и надзорными органами. Именно понимание этого феномена как противоречивого и конфликтного процесса позволяет историку интерпретировать цензуру как “борьбу за смысл” (с. 333). Можно сказать, что эти смыслы и определяют в конечном итоге уникальность и своеобразие разных культурных систем.

Качество перевода создает немного смазанное представление о книге. Помимо того, что при чтении не удастся отделаться от мысли, что перед вами именно перевод, смущает некорректное написание уже устоявшихся в русском языке форм написания некото-

³ О том, как в 1930 г. в Бомбее певцы – *прабхат-пери* – маршрутами своих передвижений сетью опутывали целые районы города, о запретах на сборников песен британскими властями см. Джим Мэсселос. По городским артериям: мобильные формы протеста (Бомбей, 1930) // *Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности* (рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. С.Е. Сидорова). М.: Восточная литература, 2015. С. 336–354.

рых имен, географических названий, специфических индийских терминов и наименований документов/институтов. Например, в тексте употребляются Марк Блох вместо Блок, Ранджит Гуи вместо Гухи, лорд Хардинж вместо Хардинг, Глэдстон вместо Гладстон, Уд вместо Ауд, центральные провинции вместо Центральные провинции, Мисор вместо Майсур, Индийский свод наказаний вместо Индийский уголовный кодекс, наблюдается чехарда с написанием имени Джона Морли (то Морли, то Морлей), Александра Никитенко (то Никитенко, то Никитин) и т.д.

Несмотря на эти помарки, книга написана живым и понятным языком. Монография обладает несомненной научной ценностью. А живой и понятный язык изложения делает ее привлекательной для широкой читательской аудитории, получившей возможность ознакомиться с историческими аспектами явления, актуальность которого в современном мире лишь возрастает.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИДОРОВА Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.	Svetlana E. SIDOROVA – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
--	---